Смутное время

Лордон Фон Зейн

Смутное Время

«Автор»
2026

Фон Зейн Л.

Смутное Время / Л. Фон Зейн — «Автор», 2026

История о Начале Смутного времени для России и самом тяжелом периоде за всю историю России. Множество испытаний и потрясений , историческое произведение.

© Фон Зейн Л., 2026
© Автор, 2026

Смутное Время

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Исторический роман. Книга первая

Глава первая. Последний государь

В последние дни зимы 1598 года Москва жила так, словно сама старалась не замечать приближавшейся перемены. На улицах ещё лежал серый снег, у лавок толпились покупатели, из кузниц доносился мерный звон молотов, а над крышами посадских домов поднимался дым. Всё было привычно, и именно эта привычность тревожила сильнее дурных предчувствий: люди продолжали торговать, спорить о цене хлеба и ругаться из-за места на торгу, хотя в Кремле уже знали, что прежний порядок может оборваться в любую минуту.

Царь Фёдор Иоаннович слабел. Весть о его болезни не была новостью для двора, но теперь придворные говорили тише, чаще оглядывались и старались не встречаться глазами. Одни молились за государя, другие подсчитывали, кому достанутся должности после его смерти, третьи ждали, чья рука первой потянется к печати. За стенами дворца Москва оставалась Москвой, но внутри царских палат время будто остановилось.

Семён Пожарский приехал в столицу незадолго до того, как положение государя стало безнадёжным. Он был молод, происходил из княжеского рода и уже успел понять, что происхождение открывает двери, но не гарантирует уважения. В Москве он не занимал места среди самых влиятельных людей и не принадлежал к тем, кто мог безнаказанно говорить правду сильным мира. Его служба была скромной: поручения, сопровождение чиновных людей, поездки по делам приказов. Но именно такая служба позволяла видеть многое и не привлекать к себе лишнего внимания.

В тот день Семён стоял во дворе, ожидая боярина, которому должен был передать бумаги. Снег под ногами был утоптан до льда. У ворот спорили два конюха, неподалёку посыльный пытался протиснуться между санями. Над всем этим возвышались стены Кремля, тёмные и тяжёлые.

— Долго ещё ждать? — спросил его старший служитель приказа, сухой человек с узким лицом.

— Сколько велено, столько и буду, — ответил Семён.

Служитель посмотрел на него с неодобрением.

— Молодость любит прямые ответы. При дворе лучше научиться отвечать так, чтобы тебя не могли обвинить ни в согласии, ни в несогласии.

— А если спросят прямо?

— Тогда особенно не торопись.

Он хотел добавить что-то ещё, но из дверей вышел гонец. На его лице не было ни страха, ни удивления — только усталость человека, который уже несколько раз повторил одну и ту же дурную новость.

— Государю хуже, — сказал он. — Велено никого не беспокоить.

Служитель перекрестился. Семён невольно посмотрел на окна дворца. За ними находился человек, чьё имя ещё недавно соединяло страну в единое целое. Фёдор Иоаннович не был властителем, подобным своему отцу. Он не стремился устрашать подданных, не любил громких решений и редко вмешивался в дела управления. Но царь оставался царём, а государство привыкло видеть над собой одну верховную власть. Теперь же наследника мужского пола не было.

Вечером Семён вернулся на постоялый двор. Там, в общей горнице, сидели несколько приезжих: торговец из Ярославля, приказной человек из Коломны и двое служилых людей. Разговор сперва шёл о дороговизне овса, затем перешёл к болезни государя.

— Если царь умрёт, будет беда, — сказал торговец. — Без наследника всякий станет тянуть одеяло на себя.

— Не всякий, — возразил приказной. — Есть Борис Фёдорович. Он давно государственными делами распоряжается.

— Распоряжаться и царствовать - не одно и то же, — заметил один из служилых.

— А кто ещё? — спросил другой. — Бояре? Каждый за себя. Князья? Каждый вспомнит старшинство. Народ? Народ хочет хлеба и чтобы его не трогали.

Семён слушал молча. Он знал, что Борис Годунов давно стал одной из главных фигур при дворе. Его влияние было заметно и в приказах, и среди бояр, и в церковных делах. Но столь же хорошо он знал, что многие знатные роды смотрели на Годунова настороженно. Одни считали его способным правителем, другие не могли простить ему возвышения, третьи боялись, что после смерти Фёдора он окончательно сосредоточит власть в своих руках.

— А если Борис не удержится? — спросил торговец.

— Тогда удержится тот, у кого будет больше людей и крепче рука, — ответил приказной.

Никто не стал спорить.

На следующий день Семёна вызвали в приказ. Ему поручили отвезти запечатанные бумаги одному из бояр, находившемуся в своём дворе. Поручение было простым, но по дороге он заметил, что у важных домов стоят непривычно большие группы слуг. Во дворах седлали коней, посыльные появлялись один за другим, а на перекрёстках задерживались люди, будто ожидая известий.

Когда Семён передал бумаги, боярин не стал читать их при нём. Он только спросил:

— Ты давно в Москве?

— Несколько недель, ваша милость.

— И что слышишь?

— Разное.

— Это я и без тебя знаю. Что говорят люди?

Семён помедлил.

— Боятся, что после кончины государя начнётся спор о престоле.

Боярин усмехнулся.

— Люди всегда боятся того, чего ещё не случилось. Но иногда их страх оказывается умнее придворных расчётов.

Он отпустил Семёна, не объяснив, зачем задавал вопрос.

К вечеру по Москве разнеслась весть: царь Фёдор Иоаннович умер. Колокола ударили по церквам. В храмах начались службы, на улицах люди останавливались и крестились. Кто-то плакал, кто-то молчал, кто-то сразу принялся обсуждать, что будет дальше. Смерть государя не означала немедленного конца привычной жизни, но каждый понимал: страна вступила в опасное время.

Семён стоял у стены одного из храмов и смотрел, как мимо проходят люди. Женщина в тёмном платке вела за руку мальчика. Старик опирался на посох. Двое стрельцов переговаривались, не снимая рук с ремней. Никто не знал, кто станет следующим царём. Никто не мог сказать, сколько продлится неопределённость.

В тот вечер Семён впервые подумал, что его собственная судьба может оказаться связана с судьбой всей страны. Пока это была лишь мысль, неясная и неприятная. Он ещё не знал, что впереди будут голодные дороги, мятежные города, чужеземные войска и люди, которые станут выдавать собственную жадность за спасение Руси.

Глава вторая. Спор о престоле

Смерть Фёдора Иоанновича поставила перед Русским государством вопрос, который нельзя было решить одним приказом. Прямая мужская линия московских Рюриковичей пресеклась. Царевна Ирина, вдова умершего государя, могла бы стать важнейшей фигурой в

вопросе о наследовании, однако она не стремилась к власти и вскоре удалилась от мирской жизни. В Москве оставались боярские роды, церковные иерархи, приказные люди и служилое дворянство. Каждый понимал, что без общего решения страна рискует погрузиться в борьбу за верховенство.

Борис Годунов обладал тем, чего не хватало многим его соперникам: опытом управления, связями при дворе и поддержкой части служилых людей. Но он не мог просто объявить себя царём. Ему требовалось признание, а признание в государстве, где власть связывали с происхождением и Божьим промыслом, было делом сложным.

В Кремле проходили совещания. Бояре обсуждали порядок престолонаследия, духовенство говорило о необходимости сохранить мир, а посланцы из городов привозили вести о настроении населения. Внешне всё выглядело чинно. В действительности каждый участник пытался понять, кто станет сильнее после решения.

Семён Пожарский оказался при одном из таких собраний не как участник, а как сопровождающий. Он стоял у двери и принимал распоряжения. Из зала доносились отдельные фразы.

— Государству нужен государь, а не временное правление, — говорил один голос.

— Государю нужна законность, — отвечал другой. — Иначе всякий недовольный станет искать себе другого царя.

— Законность не должна погубить страну.

— А единоличная власть без согласия бояр не погубит?

Разговор становился всё резче, но затем двери открылись, и бояре вышли один за другим. По их лицам нельзя было понять, достигли ли они согласия.

В тот же день Семён встретил старого знакомого своего отца, князя Андрея Мезецкого. Тот был человеком осторожным, пережившим несколько придворных перемен и привыкшим не произносить имён без необходимости.

— Ты видел, что происходит? — спросил князь.

— Видел, ваше сиятельство.

— И что думаешь?

— Думаю, что государю будет трудно удержать всех.

— Не называй его государем раньше времени. Пока ещё не решено.

— Но Борис Фёдорович имеет больше всего возможностей.

— Возможности - не право. Запомни это. В смуту люди часто путают одно с другим.

Князь предложил Семёну пройтись по двору. Они остановились у окна, выходившего на улицу. Внизу несколько посадских спорили с возчиком, а неподалёку стрельцы проверяли оружие.

— Посмотри на них, — сказал Мезецкий. — Им всё равно, кто сидит на троне, пока у них есть работа и хлеб. Но если начнутся перебои с хлебом, если перестанут платить служилым, если бояре начнут делить власть, тогда каждый вспомнит, что его обманули.

— Значит, надо выбрать того, кто сможет управлять.

— Это верно. Но всякий кандидат скажет, что именно он способен управлять. Смотри не на слова, а на то, кто за ними стоит.

Через некоторое время Земский собор избрал Бориса Годунова царём. Избрание сопровождалось торжественными церемониями и молитвами. В Москве звучали колокола, люди выходили на улицы, духовенство благословляло нового государя. Казалось, опасность удалось отвести. Но за торжеством скрывалась тревога: новый царь должен был доказать, что его власть не только признана, но и способна удержать страну.

Семён видел Бориса издали во время одной из церемоний. Тот держался спокойно, говорил негромко и внимательно выслушивал обращения. В нём не было показной воинственности. Он знал цену приказам, понимал устройство государства и умел располагать к себе людей.

Но Семён заметил и другое: рядом с царём стояли те, кто был обязан ему возвышением. Их лица выражали уверенность, порой почти торжество. Чуть поодаль находились люди, которые не спешили улыбаться.

Вечером князь Мезецкий сказал:

— Теперь у нас есть царь. Но не думай, что вместе с коронацией исчезли все споры.

— Разве избрание не положило им конец?

— Оно положило конец одному спору. Остальные только начинаются.

Вскоре Семёну поручили поездку в один из уездов. Нужно было доставить распоряжения о сборе сведений по запасам зерна и состоянии дорог. Он отправился с небольшим отрядом, состоявшим из нескольких служилых людей и двух ямщиков. Дорога была тяжёлой: весенняя распутица размывала колеи, лошади вязли в грязи, а в деревнях всё чаще говорили о нехватке хлеба.

В одном селе крестьяне собрались у приказного двора. Они жаловались на долги, на поборы и на то, что прежние хозяева требуют вернуть людей, ушедших на заработки. Староста говорил осторожно, подбирая слова.

— Государев указ мы исполняем, — сказал он. — Только не всякий может прокормить семью, если его держат на одном месте, а хлеба нет.

Семён не мог решить их спор. Он записал жалобы и передал их местному приказному человеку. Тот обещал разобраться, но по его лицу было видно, что обещание не обязательно приведёт к переменам.

На обратном пути Семён думал о том, что государство состоит не только из царя, бояр и приказов. Оно держится на людях, которые пашут землю, возят товары, строят мосты, служат в гарнизонах и платят подати. Если их жизнь становится невыносимой, никакая торжественная церемония не сможет надолго сохранить спокойствие.

Когда Семён вернулся в Москву, там уже говорили о новом царском дворе, о назначениях и о том, кому теперь придётся уступить место. Но в разговорах всё чаще звучало другое слово - хлеб.

Глава третья. Годы надежды

Первые годы правления Бориса Годунова не были временем непрерывных бедствий. Новый царь стремился укрепить управление, поддержать строительство, развивать дипломатические отношения и не допустить большого внутреннего конфликта. В Москве продолжали возводить здания, укрепляли оборонительные сооружения, принимали иностранных послов. При дворе надеялись, что избрание нового государя станет началом спокойной эпохи.

Однако спокойствие было непрочным. В памяти людей ещё сохранялись тяжёлые последствия прежних войн и хозяйственных потрясений. Многие крестьяне зависели от землевладельцев, служилые люди ждали поместных доходов и жалованья, торговцы опасались перебоев на дорогах. Любая неурожайная весна могла превратить частные трудности в общую беду.

Семён Пожарский после возвращения из уезда получил новое поручение. Ему следовало сопровождать чиновника, проверявшего состояние дорог и мостов на пути к северо-востоку от Москвы. Работа была незначительной с точки зрения придворной политики, но требовала внимательности. Состояние дорог влияло на торговлю, доставку приказных бумаг и передвижение войск.

В пути Семён познакомился с купцом Фёдором Лаптевым, который вёз сукно и железные изделия. Купец был уже немолод, говорил быстро и постоянно пересчитывал в уме расходы.

— Хорошая дорога, князь, стоит дешевле плохой, — сказал он однажды, когда обоз остановился у переправы. — На хорошей ты платишь за проезд. На плохой теряешь телегу, лошадь, товар и время. А время - тоже деньги.

— Значит, государю следует строить дороги ради купцов?

— Ради всех. Солдату по ней идти, крестьянину на ярмарку ехать, гонцу вести доставлять. Только купец первым замечает, где дорога испорчена.

Лаптев рассказал, что торговля в последние годы стала оживлённее на некоторых направлениях, но сборы на местах порой различались, а чиновники требовали дополнительные платежи. Он не выступал против налогов как таковых. Его раздражало отсутствие ясного порядка.

— Дай мне знать, сколько я должен заплатить, и я заплачу, — говорил он. — Но если каждый город придумывает свой сбор, то это уже не торговля, а угадайка.

Семён запомнил эти слова. Они казались ему простыми, но в них было больше государственного смысла, чем во многих речах, произносимых в Кремле.

Летом он вернулся в Москву. На улицах шла обычная жизнь. В лавках продавали зерно, рыбу, соль, ткани и посуду. На площадях спорили о ценах. В монастырях переписывали книги. У ворот дворцов появлялись посольские люди. Но всё чаще Семён слышал разговоры о том, что царю не доверяют некоторые старые боярские семьи.

Однажды вечером князь Мезецкий пригласил его к себе. За столом сидели двое гостей, имена которых Семён прежде слышал только в приказных разговорах.

— Борис умён, — сказал один из них. — Но он слишком хорошо помнит, кто был против него.

— А разве государь должен забывать? — спросил другой.

— Государь должен уметь примирять.

Мезецкий поднял чашу, но пить не стал.

— В Москве каждый хочет примирения, пока примирение не требует уступить ему самому.

Гости рассмеялись, однако смех быстро стих.

— Есть ещё вопрос о царевиче Дмитрии, — произнёс первый. — В Угличе его смерть до сих пор вспоминают.

— Следствие было проведено, — ответил Мезецкий.

— Следствие не всегда убеждает тех, кому не нравится ответ.

Семён знал эту историю. Младший сын Ивана Грозного умер в Угличе в 1591 году при обстоятельствах, которые породили множество слухов. Официальное расследование признало смерть несчастным случаем, но многие не желали верить заключению. Имя царевича продолжало жить в разговорах, словно его смерть не стала окончательной.

— Слухи не заменяют правды, — сказал Семён.

— Но иногда они заменяют власть, — заметил Мезецкий.

Через несколько месяцев Семён снова отправился в дорогу. В одном из городов он услышал от местного священника, что люди стали чаще спрашивать о царевиче Дмитрии. Священник не поддерживал слухи, но и не мог заставить прихожан перестать их обсуждать.

— Когда людям тяжело, они ищут объяснение, — сказал он. — Если объяснение не дают сверху, его придумывают снизу.

Семён спросил, что именно тревожит жителей.

— Налоги, долги, служба, цены. Одни боятся потерять землю, другие - работу, третьи - детей, которых могут забрать в солдаты. А теперь ещё и разговоры о царской крови.

На обратном пути Семён долго молчал. Он понимал, что слухи о Дмитрии опасны не только потому, что могут оказаться ложными. Они были удобны для всех, кто хотел оспорить власть Бориса. И если однажды появится человек, который назовёт себя спасшимся царевичем, ему не обязательно будет доказывать свою правоту всем. Достаточно будет найти тех, кому выгодно ему поверить.

К концу 1600 года в Москве всё ещё сохранялась видимость порядка. Царь принимал решения, приказы работали, послы приезжали и уезжали. Но под поверхностью накапливалось

недовольство. Семён всё чаще вспоминал слова старого князя: возможности - не право, а власть без доверия может оказаться слабее, чем кажется.

Он ещё не знал, что совсем скоро бедствие придёт не из дворцовых палат и не с чужой границы. Оно начнётся с неба, с полей, где не взойдут хлеба, и с дорог, по которым люди пойдут искать спасения.

Глава четвёртая. Небо над Русью

Весна 1601 года пришла поздно. Сначала люди решили, что задержавшееся тепло - всего лишь обычная прихоть погоды. В апреле ночами ещё прихватывало землю, а в мае дожди шли так часто, что дороги превращались в вязкую глину. Крестьяне смотрели на поля и надеялись, что солнце всё-таки возьмёт своё. Но лето не принесло облегчения. Дни оставались холодными, зерно всходило плохо, а там, где колосья всё же поднялись, они не успевали созреть.

В Москве сперва говорили о неурожае как о беде отдельных уездов. Приказные люди собирали сведения, воеводы отправляли донесения, землевладельцы жаловались на недоимки. Но к концу лета стало ясно, что бедствие охватило огромные пространства. В некоторых местах крестьяне не могли собрать даже семян на следующий посев. Запасы, которыми обычно переживали зиму, уходили на пропитание ещё до наступления холодов.

Семён Пожарский узнал о положении дел в дороге. Он возвращался из Ярославля, где сопровождал чиновника, проверявшего торговые сборы. На постоялом дворе у переправы хозяин отказался продавать хлеб по обычной цене.

— Не осталось, князь, — сказал он. — Что было, то уже разобрали.

— А в амбаре?

— В амбаре для семьи. Если продам всё, сам зимой с голоду помру.

У печи сидела женщина с ребёнком. Мальчик спал, прижавшись к её плечу, а она смотрела на огонь и почти не двигалась. Семён положил на стол несколько монет и попросил принести хотя бы немного муки. Хозяин долго колебался, затем ушёл в кладовую.

За ужином разговорились возчики. Один ехал из Ростова, другой - из-под Костромы. Оба рассказывали одно и то же: в деревнях пустеют амбары, люди продают скот, а некоторые семьи уходят в города в надежде найти работу и еду.

— На дороге уже встречаются целые семьи, — сказал возчик из Ростова. — Идут куда глаза глядят. Спрашиваешь, куда держат путь, а они сами не знают. Говорят: туда, где хлеб есть.

— А если нигде нет? — спросил Семён.

Возчик пожал плечами.

— Тогда, видно, совсем худо будет.

В Москве положение быстро ухудшалось. Царь Борис распорядился открыть государственные запасы и раздавать хлеб нуждающимся. Начались работы, на которых бедняки могли получить плату. Строительство и ремонт укреплений, дорог и зданий давали возможность заработать хотя бы на пропитание. Но масштабы бедствия росли быстрее, чем возможности власти.

Семёна направили в один из приказов помогать с составлением списков тех, кому полагалась помощь. Он увидел, как у дверей собирались люди с прошениями. Одни просили зерно для посева, другие - хлеб для детей, третьи утверждали, что их деревня вымерла почти полностью. Приказные старались вести записи, но бумаги не могли вместить всего происходившего.

Однажды к Семёну подошёл старик в разорванном кафтане.

— Господин, запиши и меня.

— Как тебя зовут?

— Гаврила. Из села за Серпуховом.

— Сколько у тебя в семье?

Старик долго смотрел на него, будто не сразу понял вопрос.

— Было пятеро. Теперь двое.

Семён опустил перо.

— Ты получал помощь прежде?

— Получал. Да только до нашего села не всякий обоз доходит. На дороге разбойники, а иногда и свои же отбирают.

Семён записал его имя и место жительства. Он не мог обещать, что старик получит хлеб, но сделал всё, что зависело от него. Когда Гаврила ушёл, приказной сосед негромко сказал:

— Таких теперь сотни. Если каждому верить, запасов не хватит.

— А если не верить, люди останутся без помощи.

— Приказ не может прокормить всю Русь.

— Но обязан хотя бы попытаться.

Сосед ничего не ответил.

Осенью стало ещё холоднее. Дожди сменялись ранними заморозками, а затем снова возвращались. Люди ели всё, что можно было приготовить: кору, траву, испорченные запасы. В городах появлялись толпы нищих. На дорогах участились нападения на обозы. Некоторые крестьяне бросали деревни и уходили, не дожидаясь разрешения землевладельца. Власти пытались удержать порядок, но голод делал прежние правила бессильными.

Князь Мезецкий вызвал Семёна к себе в конце ноября. В доме было холодно, хотя в камине горели дрова. На столе лежали донесения из разных городов.

— Ты видел, что происходит, — сказал старик.

— Видел.

— Люди винят царя.

— Царь раздаёт хлеб и пытается помочь.

— Для голодного человека важно не то, что государь пытается сделать, а то, что лежит у него на столе.

Семён подошёл к окну. На улице стояли двое нищих, а у ворот спорили слуги.

— Что же делать? — спросил он.

— Делать всё, что возможно. Но запомни: бедствие редко остаётся только бедствием. Оно становится поводом для обвинений, для борьбы и для мести.

— Вы думаете, бояре воспользуются голодом?

— Не только бояре. Любой, кто захочет власти, найдёт в страдании народа удобный довод. Одни скажут, что царь не умеет править. Другие - что Бог наказал страну за его грехи. Третьи вспомнят Дмитрия. А если появится человек, который назовёт себя царевичем, многие захотят поверить ему хотя бы потому, что нынешняя жизнь кажется им невыносимой.

Семён не ответил. Он вспомнил женщину на постоялом дворе, старика Гаврилу и мальчика, спавшего у печи. Впервые он понял, что голод меняет не только тела людей, но и их представления о справедливости. Человек, который вчера боялся нарушить приказ, сегодня мог решиться на всё ради куска хлеба.

В ту ночь над Москвой стоял густой туман. Колокола били к вечерне, и звук их терялся среди низких облаков. Семён долго не мог уснуть. Ему казалось, что вся страна ждёт чего-то страшного, но никто не знает, с какой стороны придёт удар.

Глава пятая. Хлеб и власть

Зима 1601/02 года оказалась одной из самых тяжёлых. Снег заметал дороги, мороз сковывал реки, а в городах росло число людей, которым нечего было есть. На рынках хлеб стоил столько, что обычный работник не мог купить его на дневной заработок. Люди продавали одежду, инструменты, домашнюю утварь. За бесценок отдавали скот, если ещё оставалось кому его купить.

В Москве государственные раздачи продолжались. Царские распоряжения требовали помогать бедным, поддерживать порядок и не допускать спекуляции. Однако чиновники на

местах не всегда исполняли приказы добросовестно. Где-то хлеб задерживали, где-то его продавали знакомым, а где-то сведения о запасах намеренно искажали.

Семён получил поручение проверить жалобы на одного из местных распорядителей. Его сопровождал писарь и небольшой отряд. Они приехали в слободу ранним утром. У ворот стояли люди, многие держали в руках прошения. Внутри двора находились амбары, и оттуда доносился запах зерна.

Распорядитель встретил проверяющих с подчеркнутой любезностью.

— Всё исполняется согласно государеву указу, — заявил он. — Хлеб выдаётся по спискам, нуждающиеся получают положенное.

— Тогда почему люди стоят здесь с рассвета? — спросил Семён.

— Не все умеют ждать. Есть такие, кто требует больше положенного.

Семён попросил показать книги учёта. Писарь принёс несколько толстых тетрадей. В них были записаны имена, количество выданного зерна и даты. Но записи не сходились: по документам запасов оставалось значительно меньше, чем можно было предположить по состоянию амбаров.

— Где остальное? — спросил Семён.

Распорядитель развёл руками.

— Порча, потери при перевозке, недостача. Зерно не камень, само себя не сохранит.

— Тогда покажите акт о порче.

— Его составляли, но сейчас не могу найти.

— Кто принимал зерно?

— Люди разные.

Семён распорядился осмотреть амбары. В одном из них действительно лежало зерно, но часть мешков была приготовлена к отправке. На вопрос, куда их везут, распорядитель ответил, что это государственный запас для соседнего уезда. Однако сопровождавший Семёна писарь нашёл среди бумаг частное соглашение о продаже части зерна купцу.

Распорядитель побледнел.

— Это недоразумение. Купец должен был перевезти зерно, а деньги предназначались для расходов.

— Почему тогда соглашение составлено от твоего имени?

— Я действовал ради пользы службы.

— Служба не нуждается в тайных договорах.

Семён велел опечатать бумаги и отправил донесение в Москву. Распорядителя временно отстранили от выдачи хлеба. Но даже после этого люди у ворот не разошлись. Они ждали, пока им выдадут обещанное.

Семён приказал распределить часть обнаруженного зерна среди тех, кто значился в списках. Это не решало проблемы, но хотя бы на несколько дней облегчало положение жителей.

Когда они возвращались в столицу, писарь сказал:

— Ты нажил себе врага.

— Если он виновен, то врагом он стал себе сам.

— Ты ещё молод. Здесь редко наказывают только виновных. У виновного есть родственники, друзья, покровители. Они станут говорить, что ты превысил полномочия.

— А если бы я ничего не сделал?

— Тогда тебя никто не стал бы обвинять.

Семён посмотрел на дорогу. По обочине шли крестьяне, за спиной у каждого висел небольшой мешок. Они не просили помощи у проезжих, но лица их были такими усталыми, что даже разговоры умолкали, когда обоз проезжал мимо.

В Москве донесение вызвало недовольство среди тех, кто был связан с распорядителем. Семёну пришлось объясняться перед чиновниками. Его обвиняли в поспешности, в нарушении

порядка проверки и в том, что он позволил себе распоряжаться государственным зерном без отдельного разрешения. Он отвечал спокойно и предъявлял записи писаря.

В конце концов дело передали на рассмотрение. Распорядителя наказали, хотя не так строго, как рассчитывал Семён. Часть зерна вернули в государственные запасы, а остальные обстоятельства сочли недостаточно доказанными.

Князь Мезецкий выслушал рассказ Семёна и покачал головой.

— Ты поступил правильно, но не думай, что справедливость всегда побеждает.

— Если не пытаться, она точно не победит.

— Это хорошее правило для молодого человека. Только не забывай, что тебе придётся жить среди тех, кто считает справедливостью собственную выгоду.

Слухи тем временем становились всё тревожнее. В некоторых уездах крестьяне собирались в большие группы, нападали на усадьбы и отказывались повиноваться приказным людям. По дорогам ходили вооружённые отряды. В городах появлялись проповедники, утверждавшие, что бедствия посланы свыше за грехи властей.

В начале 1602 года Семён отправился на юг по поручению приказа. Он должен был доставить бумаги воеводе и собрать сведения о передвижении людей. На одной из станций он встретил нескольких крестьян, которые шли из разорённых деревень. Один из них, широкоплечий мужчина по имени Кирилл, рассказал, что его семья покинула дом после того, как закончились запасы.

— Куда теперь? — спросил Семён.

— В город. Там, говорят, работы дают.

— А земля?

— Какая земля, князь? Если на ней нечего собрать, она не прокормит.

— Вернёшься, когда станет легче?

Кирилл усмехнулся без радости.

— Если будет куда возвращаться.

Вечером на постоялом дворе Семён услышал спор между двумя служилыми людьми. Один утверждал, что царь делает всё возможное и что бедствие не зависит от человеческой воли. Другой говорил, что правитель обязан отвечать за всё, что происходит в стране.

— Если урожай погиб из-за холода, разве царь виноват? — спросил первый.

— Не виноват в холоде. Но виноват, если не может защитить людей от голода.

— А как защитить всех?

— Вот для этого и существует власть.

Семён не вмешался. Он понимал, что оба говорили о важном, но ни один не предлагал простого решения.

Весной погода немного улучшилась, однако земля ещё не успела восстановиться. Люди сеяли зерно, которого часто не хватало, и надеялись хотя бы на небольшой урожай. На дорогах стало больше обозов, но вместе с ними появлялись вооружённые люди, готовые отнять груз.

Голод постепенно переставал быть единственной бедой. Он оставлял после себя разорённые хозяйства, долги, бегство крестьян и недоверие к властям. В Москве это понимали, но никто не мог сказать, сколько времени понадобится, чтобы вернуть прежнюю жизнь.

Однажды Семён получил письмо от отца. Тот писал, что в их владениях стало спокойнее, но многие дворы опустели, а несколько семей ушли в неизвестном направлении. Отец просил сына вернуться, однако Семён не мог оставить службу без разрешения.

В конце письма стояли слова: «Не всякая беда приходит с оружием. Иногда она входит в дом тихо, и только потом люди замечают, что потеряли всё».

Семён перечитал эту строку несколько раз. За окном шёл дождь. Он думал о том, что голод отступит, но память о нём останется. И кто-нибудь непременно воспользуется этой памятью.

Глава шестая. Человек из Польши

К 1603 году положение в стране постепенно менялось. Урожаи стали лучше, и голод уже не охватывал все земли с прежней силой. Но восстановление шло медленно. Многие хозяйства были разорены, торговля не везде вернулась к прежнему уровню, а люди, покинувшие свои деревни, не спешили возвращаться. В памяти народа остались годы, когда государственные распоряжения не могли остановить бедствие.

При дворе Бориса Годунова надеялись, что худшее позади. Царь продолжал укреплять государство и поддерживать дипломатические связи. Однако его положение оставалось непростым. Часть бояр не желала мириться с возвышением Годуновых, а слухи о царевиче Дмитрии не исчезали. Напротив, они становились всё удобнее для политических противников царя.

Семён Пожарский в то время находился в Москве. Он уже не был неопытным молодым служилым человеком, каким приехал в столицу несколько лет назад. Он научился читать донесения, замечать недосказанность в речах и понимать, что придворная любезность порой опаснее открытой вражды.

Однажды его вызвали к князю Мезецкому. В доме старика находился незнакомец в дорожном кафтане. Он говорил по-русски с заметным чужеземным произношением и представился торговым посредником, прибывшим из западных земель.

— Это пан Ян Сапега, — сказал Мезецкий. — Он привёз известия, которые могут оказаться важными.

Незнакомец поклонился.

— Я не посол и не чиновник, князь. Просто человек, который слышит разговоры там, где другие предпочитают молчать.

— Такие люди иногда знают больше послов, — заметил Мезецкий. — Рассказывай.

Ян сообщил, что в Речи Посполитой распространяются слухи о человеке, называющем себя Дмитрием, сыном Ивана Васильевича. Он будто бы спасся от смерти в Угличе и теперь ищет поддержки, чтобы вернуть себе престол.

Семён нахмурился.

— Кто он?

— Пока это неясно. Одни говорят, что он настоящий царевич. Другие - что беглый монах или человек, которого обучили нужным словам. Но вокруг него уже собираются сторонники.

— И польский король его поддерживает? — спросил Мезецкий.

— Не так просто. Король не станет открыто начинать войну только из-за слов неизвестного человека. Но среди магнатов есть те, кто готов помочь ему ради земель, влияния и возможных выгод.

— Значит, дело не в царевиче, а в тех, кто стоит за ним, — сказал Семён.

Ян слегка улыбнулся.

— Вы быстро понимаете, князь.

— Я понимаю, что человек, желающий вернуть себе трон, редко приходит один.

Мезецкий велел гостю продолжать. Тот рассказал, что самозванец ищет покровителей, обещает сторонникам награды и старается представить своё дело как восстановление законной власти. При этом у него есть люди, которые помогают ему устанавливать связи с русскими изгнанниками и недовольными боярами.

После ухода Яна Семён спросил:

— Вы верите, что он может быть Дмитрием?

— Я верю, что он может стать опасным, — ответил старик. — Это важнее.

— Но если он самозванец, разве люди не поймут?

— Не сразу. Человеку, который хочет верить, достаточно нескольких подтверждений. Ему расскажут, что царевича спасли верные слуги, что вместо него погиб другой ребёнок, что

следствие было подкуплено. Потом появятся свидетели, которые будут клясться в правде. И чем больше людей повторит одну историю, тем труднее станет её опровергнуть.

— А если он действительно царевич?

Мезецкий долго молчал.

— Тогда это будет ещё хуже. Но не потому, что он имеет право на престол. А потому, что за его именем уже стоят чужие интересы.

Через несколько дней Семёну поручили выяснить, какие люди приезжают в Москву с западных дорог и с кем они встречаются. Работа требовала осторожности. Он не мог задерживать каждого купца или расспрашивать всех приезжих. Ему следовало наблюдать за теми, кто слишком часто посещал дома недовольных бояр и пытался узнать о настроении служилых людей.

В одном из трактиров он встретил человека по имени Григорий. Тот прежде служил при дворе одного из князей, но после ссоры покинул Москву. Теперь он вернулся и уверял, что хочет восстановить прежние связи.

— Ты слышал о царевиче? — спросил Семён как бы между прочим.

Григорий сделал вид, что не понял.

— О каком царевиче?

— О Дмитрии.

— Всякий слышал.

— И что думаешь?

— Думаю, что если государь настоящий, ему следует вернуть своё.

— А если нет?

Григорий пожал плечами.

— Тогда его дело не получит поддержки.

— А если люди захотят поддержать его не потому, что верят, а потому, что недовольны нынешним царём?

Григорий посмотрел на Семёна внимательнее.

— Ты задаёшь опасные вопросы.

— Я служу приказу. Мне положено спрашивать.

— Тогда спрашивай тех, кто посылает людей за границу. Там узнаешь больше.

Семён не стал продолжать разговор. Он заметил, что Григорий нервничает, но прямых доказательств его участия в каких-либо переговорах не было.

Вскоре пришли новые вести. Самозванец открыто объявил себя царевичем Дмитрием и начал собирать сторонников. Его называли Григорием Отрепьевым, бывшим монахом, хотя обстоятельства его жизни и происхождения обсуждались по-разному. Он находился под покровительством некоторых польских магнатов и стремился получить поддержку короля Сигизмунда III.

В Москве новость встретили с тревогой. Борис Годунов распорядился собирать сведения, следить за возможными сообщниками и укреплять юго-западные рубежи. При дворе говорили о заговоре, а в народе - о чудесном спасении царевича.

Семён пришёл к Мезецкому вечером.

— Теперь он уже не просто слух, — сказал он.

— Теперь у слуха есть имя и знамя.

— Можно ли остановить его до того, как он перейдёт границу?

— Можно попытаться. Но если его поддержат извне, одних приказов будет мало.

— А если его поддержат внутри страны?

— Тогда придётся иметь дело не с одним самозванцем, а с недовольством, которое накопилось за годы.

Старик подошёл к столу и развернул карту западных земель.

— Посмотри сюда. Вот дороги, по которым идут торговцы и послы. Вот города, где можно собрать людей. Вот крепости, которые станут важны, если начнётся война. На карте всё выглядит просто: проведи линию, поставь знак, напиши название. Но за каждой точкой стоят люди, и каждый город может решить иначе, чем рассчитывает Москва.

Семён наклонился над картой. Он увидел Смоленск, Чернигов, Путивль, Новгород-Северский. Эти названия прежде казались ему обычными отметками на бумаге. Теперь они могли стать местами, где решится судьба страны.

— Вы думаете, он пойдёт на Москву?

— Если найдёт достаточно сторонников, обязательно попытается.

— А если проиграет?

— Тогда его имя исчезнет, но причина, по которой люди пошли за ним, останется.

За окном послышался стук копыт. Во двор въехал гонец, привёзший очередные бумаги. Мезецкий взял письмо, прочитал его и нахмурился.

— Что там? — спросил Семён.

— Известия с западной границы. Самозванец ищет новых людей. Его сторонники обещают русским служилым людям возвращение прежних прав, а некоторым магнатам - награды и земли.

— Значит, он торгуется всем, что у него ещё нет.

— Так обычно и поступают те, кто хочет получить власть, не имея её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.